

18+ МОЛЧАНИЕ РЯБИНЫ

ТРОЯН М.Е.

Марк Троян

Молчание рябины

«Издательские решения»

Троян М. Е.

Молчание рябины / М. Е. Троян — «Издательские решения»,

Летом 1941 года каратели сжигают деревню Рябиновку вместе с женой и дочерью лесничего Артёма Рябинина. Чудом выжив, он уходит в лес, чтобы мстить. Бывший охотник становится неуловимым снайпером, оставляющим на телах врагов ветку рябины. Оккупанты в ужасе называют его «Тихий охотник» и посылают за ним лучшего стрелка Восточного фронта. Их дуэль превращается в смертельную схватку, где на кону — память, месть и право остаться человеком.

© Троян М. Е.

© Издательские решения

Содержание

Пролог. РАЗГОВОР У КОСТРА	6
Часть I «Ветер перемен»	7
Глава 1. Лесной человек	7
Глава 2. Рябиновка (расширенная версия)	14
Жители Рябиновки	16
Кузнец Егор	18
Рябиновый вечер	19
Глава 3. Анна	21
Ухаживание	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Молчание рябины

Марк Евгеньевич Троян

Дизайнер обложки GPT

Иллюстратор GPT

© Марк Евгеньевич Троян, 2026

© GPT, дизайн обложки, 2026

© GPT, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0071-0054-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. РАЗГОВОР У КОСТРА

Ноябрь 1942 года. Где-то под Псковом.

Они сидели у костра втроём: фельдфебель Краузе, старый служака с лицом, изрезанным ветрами двух войн, молоденький ефрейтор Мюллер, ещё не обстрелянный, и обер-ефрейтор Шмидт, нервный и суеверный. Дрова потрескивали, пламя отбрасывало на снег длинные дрожащие тени. Где-то в лесу ухала сова — монотонно, как часы.

— Опять нашли, — нарушил тишину Шмидт, помешивая угли палкой. — Свяznego. С веткой.

— Какой веткой? — Мюллер поднял голову. Он был здесь всего неделю и ещё не привык к разговорам, которые вели старшие.

Краузе сплюнул в огонь.

— Рябиновой, — сказал он глухо. — Здесь все об этом знают. Если нашли тело с веткой рябины — стрелял он.

— Кто — он?

— Тихий охотник, — Шмидт понизил голос и оглянулся через плечо, будто ожидал увидеть что-то в темноте. — Местные говорят, он лесной дух. Его нельзя убить, потому что он уже мёртв.

Мюллер хотел рассмеяться, но смех застрял в горле. Ему вдруг показалось, что за деревьями кто-то стоит. Он всмотрелся — никого. Только снег и чёрные стволы.

— Чушь, — отрезал Краузе. — Никакой он не дух. Обычный снайпер. Просто очень хороший.

— Хороший? — Шмидт горько усмехнулся. — У него на счету тридцать наших за полгода. И каждый раз — ветка. Он не просто убивает, он метит. Как будто говорит: я здесь. Я вас всех достану.

Костер затрещал громче. Мюллер поёжился, хотя сидел у самого огня. Краузе долго молчал, потом добавил:

— Говорят, он мстит. За деревню, которую сожгли наши.

— Это правда?

— Не знаю. Но если так — нам его не остановить. Месть — она сильнее приказа.

Они замолчали. Сова затихла. Лес стоял неподвижный, слушающий. Едва шепотом Краузе приказал Миллеру:

— Миллер, принеси еще сухостоя, на окраине леса заготовленная связка.

— Есть принести сухостоя. Ответил он слегка дрожащим голосом

Подойдя к аккуратно сложенной связке дров, Миллер увидел на ней ту самую, горящую как пламя, ветку рябины. Схватив приготовленный сухостой он быстро умчался прочь.

Это был ход в суровой шахматной партии, где на кон поставлена жизнь.

Часть I «Ветер перемен»

Глава 1. Лесной человек

Июнь 1941 года. Рябиновка

Артём Рябинин проснулся, как всегда, до солнца.

Это была старая привычка, вьевшаяся в кровь с детства: отец, Пётр Ильич, поднимался затемно и сына приучал к тому же. «Лес не ждёт, пока ты выспишься, — говорил он. — Лес живёт по своим часам. Хочешь понимать его — живи так же». И Артём жил. Уже много лет он вставал в четвёртом часу утра, зимой и летом, в будни и праздники, и не мыслил себе иной жизни.

Он открыл глаза и несколько минут лежал неподвижно, привычно вслушиваясь в звуки просыпающегося дома. Тихо тикали ходики на стене — старые, ещё дедовские, с кукушкой, которая давно не куковала, но ход держала исправно. В печи потрескивали догорающие угли — Анна, видно, вставала среди ночи подбросить дров. За окном, в палисаднике, уже начинал свою ежеутреннюю трель скворец, и его песня была такой чистой и громкой, что, казалось, заполняла весь мир.

Июнь в том году выдался на редкость тёплым. Даже сейчас, на рассвете, воздух был напоён запахами цветущей сирени и черёмухи, которые росли у крыльца. К ним примешивался ещё какой-то аромат — кажется, ночная фиалка, которую Анна посадила под окнами. Артём не очень разбирался в цветах, но этот запах любил: он ассоциировался у него с домом, с покоем, с тем, что всё идёт своим чередом.

Он повернул голову. Анна спала рядом, уткнувшись лицом в подушку, разметав по ней русые волосы. Одна рука её лежала поверх одеяла — тонкая, с обручальным кольцом на безымянном пальце. Кольцо было серебряное, недорогое, купленное ещё в Пскове на их скромную учительскую зарплату, но Анна носила его с гордостью, никогда не снимая. Даже когда работала в огороде или месила тесто, кольцо оставалось на пальце — только чуть темнело от земли и муки, и она каждый вечер тщательно протирала его тряпочкой.

Артём смотрел на неё и думал, что даже после пяти лет брака не может привыкнуть к этому чуду: к тому, что она здесь, рядом, что она — его. Он, нелюдимый, неразговорчивый, порой до грубости прямой, каким-то чудом умудрился завоевать сердце самой красивой и самой умной женщины в округе. И не просто завоевать — удержать.

Он помнил, как впервые увидел её — на школьном дворе. Она стояла в окружении детей, что-то рассказывала, смеялась, и солнце запутывалось в её светлых волосах, и Артём, проходивший мимо с отцовской винтовкой за плечом, замер как вкопанный. Он тогда подумал: «Такая не для меня». А она, заметив его, вдруг замолчала и посмотрела — долго, внимательно, без тени смущения. И улыбнулась.

Через полгода они поженились. Через год родилась Катя.

В соседней комнате завожилась дочь. Артём услышал, как она что-то бормочет во сне — кажется, разговаривает с кем-то из своих воображаемых друзей, которых у пятилетнего ребёнка всегда в избытке. У Кати их был целый полк: зайчик Хвостик, мишка Топтыжка, кукла Маша с рябиновыми бусами и ещё какой-то невидимый зверь по имени Чуча, который жил под кроватью и по ночам охранял её сны.

Артём улыбнулся в темноте.

Вставать не хотелось. Но надо было.

Он выбрался из-под одеяла осторожно, чтобы не разбудить жену. Сунул ноги в валенки — летом валенки сменялись на сапоги, но сегодня было ещё по-утреннему зябко, и он решил не переобуваться до дневной жары. Накинул телогрейку, висевшую на спинке стула, и вышел во двор.

Утренний воздух был холодным и чистым, как родниковая вода. Солнце ещё не взошло, но небо на востоке уже наливалось розовым, и тонкая полоска зари обозначала край леса. Над деревней стоял лёгкий туман — самый опасный враг лесничего, потому что в тумане не видно дыма, а дым в лесу — это беда. Но сейчас туман был жидким, прозрачным, почти невесомым, и Артём знал: к полудню он рассеется.

Он потянулся, разминая затёкшие за ночь плечи, и оглядел двор.

Дом, в котором он жил, стоял на самом краю Рябиновки — дальше только лес. Дом был старый, ещё отцовской постройки, но крепкий: сосновые стены, тёсовая крыша, резные наличники на окнах. Отец, Пётр Ильич, был егерем и строил на совесть — говорил, что дом должен стоять сто лет и ни годом меньше. Дому было уже сорок, и он стоял. Даже в самые лютые зимы, когда столбик термометра падал до сорока градусов, в доме было тепло: печь, сложенная отцом по особому, известному только ему чертежу, держала жар до утра.

Рядом с домом — сарай, где хранился инструмент, стояла лошадь Снежка и куры. За сараем — огород, который каждую весну вскапывала Анна, а потом жаловалась на мозоли и требовала от мужа, чтобы тот нанял помощника. Артём обещал, но не нанимал — не потому что жалел денег, а потому что чужих людей в доме не любил. Анна ворчала, но в глубине души понимала: для её мужа семья — это крепость, и вход в неё чужим заказан.

За огородом, сразу за покосившимся плетнём, начинался лес.

Это был не просто лес. Это был его мир.

Артём Рябинин родился и вырос в Рябиновке. Его отец был егерем, дед — лесником, прадед — тоже. Лес был их кормильцем, их домом, их судьбой. Артём с детства знал каждую тропу в округе, каждое дерево, каждый овраг. Он понимал язык птиц, читал следы на снегу и на земле, чувствовал погоду за день до того, как она менялась. Он умел стрелять — сначала из отцовской берданки, потом из трёхлинейки, — но никогда не убивал больше, чем нужно. Лес не терпит жадности, учил его отец. Возьми, сколько нужно, и не тронь остального.

И он так и жил. Служил лесничим в заповедном лесничестве — охранял уголья от браконьеров, следил за популяцией лосей, за здоровьем леса. Работа была тихая, одинокая, и это

его устраивало. Он не любил людей — в том смысле, в каком их любила Анна: шумно, открыто, всей душой. Ему хватало леса.

Выйдя со двора, Артём направился по тропинке, ведущей в глубь чащи. Сегодня нужно было проверить дальний кордон — там уже неделю шалил какой-то пришлый: то ли браконьер, то ли дезертир, то ли просто бродяга. Следов было мало, но Артём их нашёл. И сегодня решил разобраться.

Тропа была знакомой до последнего поворота. Он шёл и думал о том, что, наверное, так и должно быть: человек должен жить там, где родился, ходить по той земле, по которой ходили его предки, и в конце концов лечь в эту землю. Дед его так и сделал. Отец — тоже. И он, Артём, собирался так же. Никакая сила не могла бы заставить его уехать из Рябиновки — ни война, ни голод, ни посулы лучшей жизни. Здесь были его корни. Здесь была его душа.

Лес встретил его тишиной. Но это была не та мёртвая тишина, которая пугает городского человека, — это была тишина живая, наполненная звуками: стуком дятла где-то вдалеке, шорохом белки в ветвях, шелестом утреннего ветра в кронах сосен. Артём шёл и слушал, как слушают музыку, — с закрытым сердцем и открытой душой.

У кордона он остановился. Что-то было не так.

След на земле был свежим — оставленным не позже вчерашнего вечера. Большой мужской сапог, не крестьянский, не охотничий. Солдатский? Или трофейный? Артём присел на корточки, рассматривая отпечаток. Подошва стёрта с левого края — человек прихрамывает. Глубина следа — около восьмидесяти килограммов, не больше. Шаг широкий, уверенный — не крадётся, идёт в полный рост. Браконьер так не ходит. Браконьер крадётся.

Артём снял с плеча трёхлинейку. Снял с предохранителя. И двинулся по следу.

Через полчаса он вышел к ручью и увидел человека.

Тот сидел на поваленном дереве, спиной к нему, и что-то жевал. Одет был в рваный армейский ватник, на голове — шапка-ушанка без звезды. Рядом лежал вещмешок. Оружия видно не было, но Артём знал: оружие может быть под ватником. На всякий случай он взял чуть левее, чтобы в случае чего успеть укрыться за толстой сосной.

— Эй, — негромко окликнул он. — Ты кто?

Человек обернулся. Это был молодой парень, лет двадцати, с худым, измождённым лицом и лихорадочно блестящими глазами. Щетина на щеках, грязные руки, воспалённые губы. Видно было, что он несколько дней провёл в лесу без еды и воды.

— Не стреляй, — быстро сказал он, поднимая руки. — Я свой.

— Свой — это кто?

— Красноармеец. Из окруженцев. Две недели по лесам брожу.

Артём опустил винтовку, но с предохранителя не снял. Подошёл ближе.

— Документы есть?

Парень полез за пазуху, достал потрёпанную красноармейскую книжку. Артём взял её, полистал. Рядовой Иван Степанович Глушко, 1921 года рождения, призван из Пскова. Часть — стрелковая дивизия, разбитая под Минском в первые дни войны. С фотографии на Артёма смотрело совсем ещё мальчишеское лицо — открытое, почти детское.

— Как здесь оказался?

— Отступали. Потом — бой. Потом — лес. Я один остался. — Иван помолчал. — Командира убило, ребят тоже. Я три дня полз по болоту, потом вышел сюда. Думал, всё, конец.

Артём вернул книжку.

— Ладно, Иван Степанович. Пойдёшь со мной. В деревне накормят, в себя придёшь. А там видно будет.

Парень благодарно кивнул, и на его измученном лице мелькнуло что-то похожее на улыбку.

Они пошли обратно — Артём впереди, окруженец сзади, — и молчали всю дорогу. Артём думал о том, что война, которая ещё вчера казалась далёкой и почти нереальной, теперь подошла вплотную. Этот парень — живое свидетельство того, что творится на фронте. Разбитые дивизии, отступление, окружения, болота, по которым ползут раненые, пытаясь спастись. И это только начало.

У самой опушки парень вдруг спросил:

— А деревня ваша — как называется?

— Рябиновка.

— Красивое название. Из-за рябины?

— Из-за неё.

— А много рябины тут?

— Достаточно, — сказал Артём. — На всех хватит.

Он ещё не знал, какой смысл обретут эти слова через полтора года.

Дома его уже ждали.

Анна стояла на крыльце, сложив руки на груди, и вид у неё был строгий. Катя, пристроившаяся тут же, смотрела на отца с любопытством — она всегда знала, когда отец возвращается не один. У неё было на это какое-то особое чутьё, почти звериное, унаследованное от него.

— Где тебя носит? — вместо приветствия спросила Анна. — Я уже корову подоила, а тебя всё нет. И кто это с тобой?

— Окруженец, — коротко ответил Артём. — Иван. Две недели по лесу бродил. Надо накормить.

Анна сразу сменила гнев на милость — она была человеком быстрым во всём, включая эмоции. Могла минуту назад метать молнии, а теперь уже хлопотала, усаживая гостя за стол, подкладывая кашу, подливая молока.

— Господи, две недели! — всплеснула она руками. — Да ты же, наверное, голодный как волк! Заходи, заходи, сейчас кашу разогрею. Катя, принеси хлеб из кладовки!

Катя, гордая поручением, убежала в дом. Иван смущённо топтался у порога, не зная, куда девать руки, но Анна решительно втолкнула его внутрь. Артём усмехнулся и пошёл следом.

Завтрак проходил, как всегда, шумно. Катя, сидя на своём маленьком стульчике, с интересом разглядывала гостя. Иван, уже слегка отогревшийся и осмелевший, рассказывал о том, что видел на фронте: о танках, о бомбёжках, о том, как горел Минск. Говорил он сбивчиво, проглатывая слова, как человек, который долго молчал и теперь не мог остановиться.

— Немцы прут — страшное дело, — говорил он, наворачивая кашу. — Техника у них, самолёты... Наших много полегло. Но ничего, мы им ещё дадим. Вот соберёмся с силами — и дадим.

Анна слушала молча, и лицо её становилось всё более тревожным. Артём заметил это и перевёл разговор:

— Ты, Иван, пока у нас побудь. Отъешься, окрепнешь. А там решим, куда тебя дальше.

Окруженец благодарно закивал.

После завтрака Артём вышел во двор — нужно было наколоть дров. Анна вышла за ним, плотно прикрыв за собой дверь, чтобы не слышали дети.

— Что на фронте делается, слышал? — спросила она тихо, хотя Иван сидел в доме и слышать не мог.

— Слышал.

— А если они и сюда дойдут?

Артём взял колун, примерился к чурбаку.

— Не дойдут, — сказал он, вгоняя лезвие в дерево. — Далеко зашли. Наша армия их остановит.

— А Ваня говорит — прут...

— Ваня много говорит. Но он окруженец, он видел только то, что видел. А война — она большая. Может, их уже под Москвой бьют.

Он сам не очень верил в то, что говорил. Но Анне нужно было верить — и он давал ей эту веру, как дают лекарство больному. Она помолчала. Потом подошла ближе, взяла его за руку — прямо за ту, что сжимала топориче.

— Артём... Если что — ты не геройствуй. У тебя дочь. У тебя я. Понял?

— Понял.

— Обещай.

— Обещаю.

Она кивнула и ушла в дом. И в этом кивке было больше тревоги, чем во всех словах, сказанных за утро.

Артём рубил дрова до обеда. Мысли его были далеко — там, на западе, где полыхала война. Он думал о том, что враг, который жёг Минск и убивал красноармейцев, может дойти и до Рябиновки. И что тогда? Винтовка у него есть. Патроны — тоже. Но что он один против танков и самолётов?

Лес. Лес — его союзник.

Если что — он уйдёт в лес. И будет драться оттуда. Как его дед дрался в Гражданскую, как прадед — в Первую мировую. Лес не выдаст, лес не предаст, лес спрячет и сохранит.

Так он думал тогда, в июне сорок первого, ещё не зная, что лес станет его домом на долгие годы. Что ему предстоит потерять всё. И что имя «Тихий охотник» ещё не родилось — но уже начинало шевелиться где-то в глубине его души, как зверь, почуявший кровь.

Вечером, когда солнце село и над Рябиновкой зажглись первые звёзды, Артём сидел на крыльце с Катей на руках и рассказывал ей о лесных духах. Это была их традиция: каждый вечер, если позволяла погода, они выходили на крыльцо, и отец рассказывал дочери очередную историю.

— Пап, а Леший — он добрый? — спрашивала она, заглядывая ему в глаза.

— Леший — разный, — отвечал он. — Если ты лесу не вредишь, он тебя не тронет. А если зло пришло — Леший сам становится злым.

— А рябина от зла защищает?

— Рябина — да. Рябина — это дерево жизни. Её ни один злой дух не тронет. Помни это, Катя.

— Я запомню, — серьёзно кивала она. — Я всегда буду с рябиной.

Он прижимал её к себе, вдыхал запах её волос — и верил, что всё будет хорошо. Что война обойдёт их стороной. Что Рябиновка будет стоять вечно, как стояла уже двести лет.

Он ошибался.

Но пока — пока он был счастлив.

Глава 2. Рябиновка (расширенная версия)

Июнь 1941 года

Деревня Рябиновка стояла на берегу неширокой реки с тёмной, почти чёрной водой — такие реки в этих краях называли «глухими», потому что текли они из болот и в болота же уходили, не жалую человека ни рыбой, ни бродом. Река эта, Безымянка, была капризной: весной разливалась, затапливая огороды, летом мелела так, что куры переходили её вброд, а зимой замерзала до дна, и тогда по льду можно было ходить, как по дороге. Но люди здесь привыкли к её нраву и не обижались — река была своя, родная, и другой не надо.

Сама деревня насчитывала тридцать четыре двора — не большая, но и не маленькая по меркам Псковской глубинки. Дома стояли вдоль единственной улицы, которая начиналась у мостков через Безымянку и уходила в поле, к дальнему лесу. Избы были добротные, рубленые, с резными наличниками и высокими крыльцами — здесь жили люди небогатые, но хозяйственные, умевшие держать топор и плуг. Почти у каждого дома росла рябина — высокая, раскидистая, с алыми гроздьями, которые к осени наливались соком и горьковатой сладостью. Деревня и название своё получила от этих деревьев, и люди здесь верили, что рябина защищает от зла.

Историю эту знали все — от глубоких стариков до малых детей. Знал её и Артём Рябинин, потому что слышал от отца, а тот — от своего отца, а тот — от прадеда, который, говорили, ещё помнил живую основательницу деревни.

Легенда о первой рябине

В конце восемнадцатого века, когда императрица Екатерина ещё сидела на троне, а по лесам ещё водилась непуганая дичь, на берег Безымянки вышла женщина. Она была молода, но лицо её было измощено долгой дорогой, а в глазах стояла такая тоска, какой не увидишь у самого пропащего человека. Звали её Авдотья. Была она из беглых крепостных — ушла от помещика, который уморил её мужа и хотел пустить по миру детей. Двоих сыновей она потеряла по дороге — один умер от горячки, другого забрали рекруты. Осталась у неё только дочь, маленькая Марфа, которую она несла на руках через леса и болота.

Место у Безымянки показалось ей подходящим: вода рядом, лес полон дичи, земля — хоть и тощая, но если корчевать, родить будет. Она построила землянку, а осенью, когда пошли дожди, посадила на берегу куст рябины — принесла из лесу дичок и прикопала у порога. Соседи, которые появились позже, спрашивали: «Зачем тебе рябина, Авдотья? Ягод с неё не напасёшься, только горечь одна». А она отвечала: «Рябина — дерево памяти. Пока она растёт, я помню тех, кого потеряла. А пока помню — они живы».

Прошли годы. Авдотья обжилась, подняла дочь, выстроила избу. К ней потянулись другие беглые — такие же отчаянные, потерявшие всё, кроме надежды. Так появилась деревня, которую назвали Рябиновкой — в честь того первого куста, что посадила Авдотья. Куст тот давно сгнил, но на его месте выросло новое дерево, а от него — целая роща. Говорили, что рябины в Рябиновке особенные: они цветут пышнее, ягоды дают крупнее, а главное — отводят беду. Сколько раз горела деревня — ни одна рябина не пострадала. Сколько раз мор прошёл — Рябиновка устояла.

Правда это была или вымысел — никто уже не знал. Но каждая семья в деревне сажала рябину у своего дома. И на могилах сажали рябину. И когда девушка выходила замуж, мать дарила ей веточку рябины — на счастье, на долгую память, на любовь.

Жители Рябиновки

Утро в деревне начиналось рано. Ещё до солнца в домах зажигались керосиновые лампы, топились печи, мычали коровы, ожидая дойки. Бабы спешили управиться по хозяйству до жары, мужики — до работы в поле или в лесу. Дети, кому уже стукнуло семь, собирались в школу — ту самую, где учительствовала Анна Рябинина.

Школа стояла в центре деревни — бывший поповский дом, переделанный под классы после того, как церковь закрыли. Купола с церкви сняли ещё в двадцатых, но само здание, каменное, с толстыми стенами, уцелело. Теперь в нём размещался сельсовет, а в пристройке — школа: две комнаты, сорок учеников, одна учительница на все четыре класса. Анна справлялась — она была молодой, энергичной и любила детей так, как любят только те, у кого свои уже есть.

По соседству со школой жил дед Савелий — самый старый человек в Рябиновке. Сколько ему было лет, не знал никто, включая его самого. Одни говорили — сто, другие — сто двадцать. Дед Савелий не спорил. Он сидел на завалинке в любую погоду, курил трубку и смотрел на мир выцветшими, но всё ещё зоркими глазами. Когда-то он служил в царской армии, воевал с турками, был ранен под Плевной. Теперь же единственной его войной была война с мухами, которые досаждали ему в летнюю жару.

— Долго живёшь, дед, — говорили ему сельчане. — В чём секрет?

— А секрет простой, — отвечал он, попыхивая трубкой. — Я никуда не спешу. Смерть за мной бегаёт, бегаёт — да устаёт.

Он был живой историей Рябиновки. Помнил ещё крепостное право, помнил, как строили первую школу (тогда ещё церковно-приходскую), помнил, как в Гражданскую через деревню проходили то красные, то белые, и оба раза жгли амбары. Он знал всех предков нынешних жителей до пятого колена и мог часами рассказывать, кто кому кем приходится и почему у Кузнецовых такой нос, а у Петровых — такой характер.

Единственным человеком, с которым дед Савелий говорил особенно охотно, был Артём Рябинин. Они часто сидели вдвоём на завалинке — старый и молодой, — и разговаривали. Вернее, говорил в основном дед, а Артём слушал. Ему нравились эти рассказы — они связывали его с прошлым, которого он не застал, но которое чувствовал каждой клеткой своего существа.

— Ты, Артём, в кого такой молчаливый? — спрашивал иногда дед. — Отец твой тоже не болтун был, но всё ж таки поговорить любил. А ты как сыч.

— В лес ухожу — там и наговариваюсь, — отвечал Артём.

— Лес — он слушает, но не отвечает. С людьми надо, с людьми.

— Люди — они тоже не всегда отвечают.

Дед качал головой и замолкал. Он знал: Артём нелюдим не от злобы, а от склада характера. Таким уродился. Но война — она любого переделает. И дед это чувствовал.

Кузнец Егор

Лучшим другом Артёма был кузнец Егор — здоровенный мужик с ручищами, которыми он гнул подковы, и с голосом, который был слышен с одного конца деревни до другого. Егор был полной противоположностью Артёму: шумный, весёлый, обожал компании, песни и драки. Они дружили с детства — сын лесника и сын кузнеца, — и пронесли эту дружбу через годы.

Кузница Егора стояла на отшибе, у самого леса, чтобы искры не долетали до деревянных домов. В кузнице всегда было жарко, пахло окалиной, углём и раскалённым металлом. Егор работал с утра до ночи: ковал подковы, чинил плуги, делал ножи и топоры. Когда не было заказов, он просто что-то мастерил для души — то подсвечник выкует, то железный цветок.

— Жалко, что война, — говорил он Артёму в те редкие минуты, когда они могли спокойно посидеть вдвоём. — Я бы в мирное время такое делал... Не инструмент — искусство. А теперь — только штыки да сапёрные лопатки. Скучно.

— Ничего, — отвечал Артём. — Кончится война — накуёшь цветов.

— Кончится ли?

— Должна.

Егор уходил на фронт в числе первых — в конце июня, сразу после объявления мобилизации. Пришёл прощаться прямо в кузнечном фартуке, с чёрными от копоти руками.

— Ты, Артём, за моими пригляди, — сказал он, имея в виду жену и двух маленьких сыновей. — Если что — помоги. Одной ей тяжело будет.

— Пригляжу.

— И ты это... Береги себя. Вернусь — выпьем.

— Выпьем.

Они обнялись — впервые за много лет, — и Егор ушёл. Больше они не увидятся: через три месяца кузнец погибнет под Смоленском, попав под миномётный обстрел. Но пока — пока он был жив, и Рябиновка была жива, и никто не знал, что ждёт их впереди.

Рябиновый вечер

В тот вечер, после возвращения из леса с окруженцем, Артём долго не мог уснуть. Он лежал в темноте, слушал дыхание спящей Анны и думал о том, что рассказал Ваня. Фронт прорван. Немцы идут на восток. Танки, авиация, моторизованная пехота. Всё то, о чём они читали в газетах и что казалось далёким, почти нереальным, — теперь приближалось.

Он встал, накинул полушубок и вышел во двор. Ночь была тёплая, звёздная. В траве стрекотали сверчки. Где-то на краю деревни лаяла собака. Над лесом висел узкий серп месяца — молодой, только народившийся.

Артём подошёл к рябине, что росла у калитки. Она была старая — её посадил ещё его дед, когда родился отец. Ствол был корявым, кора потрескалась, но каждую осень дерево давало тяжёлые алые гроздья. Он коснулся ветки, провёл пальцами по шершавой коре.

— Ты уж защити, — сказал он негромко. — Если что.

Рябина молчала. Но ему казалось, что она слушает.

Из дома вышла Анна — в одной ночной рубашке, босиком.

— Не спится? — спросила она.

— Не спится.

— О чём думаешь?

— Обо всём. О Ване. О фронте. О том, что будет.

Анна подошла, прижалась к его плечу. Она была маленькая, хрупкая, но в ней чувствовалась сила, которой позавидовал бы иной мужчина.

— Не накликай беду, — сказала она. — Может, обойдётся. Может, не дойдут до нас.

— Может.

— Ты только не лезь на рожон. Ради нас с Катей.

— Я же обещал.

— Обещать — мало. Ты сделай.

Он обнял её, прижал к себе. Они стояли под рябиной, глядя на звёзды, и в этот миг были почти счастливы. Почти — потому что даже в самые светлые минуты теперь сквозило что-то тревожное, как запах гари от далёкого пожара.

В доме заплакала Катя — видно, приснилось что-то страшное. Анна встрепенулась и ушла, а Артём остался во дворе.

Он стоял ещё долго. Смотрел на лес, на звёзды, на старую рябину. И думал о том, что мир, который он знал, скоро изменится. И он сам изменится вместе с ним. Но пока — пока ещё длилась эта июньская ночь, тёплая, звёздная, мирная. Последняя мирная ночь в его жизни.

Глава 3. Анна Июнь 1941 года

Анна Рябинина, в девичестве Снегирёва, приехала в Рябиновку три года назад — молодой выпускницей Псковского педагогического училища, с чемоданом книг и сердцем, полным надежд. Ей было девятнадцать, она была худенькой, светловолосой, с глазами цвета летнего неба и улыбкой, от которой даже самые хмурые старики начинали улыбаться в ответ. Направили её по распределению — «на укрепление сельской интеллигенции», как было написано в приказе. На деле это означало, что в Рябиновке, где школа пустовала уже полгода после смерти прежнего учителя от тифа, нужен был хоть кто-то, кто умеет читать и писать.

Анна умела больше. Она любила литературу, знала наизусть Пушкина и Лермонтова, могла часами рассказывать о Гоголе и Тургеневе. Она играла на стареньком пианино, которое чудом уцелело в школьном углу. Она верила, что дети — даже самые трудные, даже те, кто в десять лет не знает букв, — способны полюбить учение, если найти к ним подход. И она находила.

Первые месяцы были тяжёлыми. Школа встретила её холодом и запустением: печь дымила, крыша протекала, учебников не хватало, родители косо смотрели на городскую «фифу», которая, по их мнению, долго не протянет. Но Анна протянула. Она собственноручно побелила классы, починила парты, раздобыла где-то старые плакаты и карты. Она ходила по домам, уговаривая родителей отпускать детей на уроки, — и убеждала. К концу первого года в школе учились все дети Рябиновки от семи до двенадцати лет, а саму Анну в деревне называли не иначе как «наша учительница» — с тем особым уважением, которое на селе испытывают к людям грамотным и душевным.

С Артёмом она познакомилась на второй месяц после приезда. Это случилось в лесу. Анна пошла за грибами — не столько по необходимости, сколько из желания побыть одной, отдохнуть от бесконечных школьных забот. Она не знала местных троп и, конечно, заблудилась. К вечеру, когда солнце начало клониться к закату, а лес стал казаться враждебным и чужим, она уже всерьёз подумывала о том, чтобы заночевать под деревом, как вдруг услышала шаги.

Из чащи вышел мужчина. Высокий, худой, в выгоревшей на плечах гимнастёрке, с трёхлинейкой за спиной и спокойным, почти равнодушным взглядом серых глаз. Он посмотрел на неё — запыхавшуюся, растрёпанную, с корзинкой, в которой сиротливо лежали три подосиновика, — и сказал:

— Заблудились?

— Нет, — гордо ответила Анна. — Просто... осматриваюсь.

— Осматриваетесь, — повторил он. В голосе его не было насмешки, но Анне показалось, что он всё понял. — Здесь осматриваться нечего. Здесь болота. Пойдёмте, я выведу.

И пошёл. Не оглядываясь, не проверяя, идёт ли она следом. Анна, поколебавшись, двинулась за ним.

Они шли молча, и это молчание почему-то не было неловким. Лес вокруг постепенно менялся: болота отступали, появлялись знакомые приметы — старая сосна, развилка троп, рябиновая роща. У опушки мужчина остановился.

— Дальше сами. Вон Рябиновка, — он показал на огни вдали.

— Спасибо, — сказала Анна. — А вы? Вы не в деревню?

— В кордон.

— Вы лесник?

— Лесничий. Артём Рябинин.

— Анна Снегирёва, — она улыбнулась. — Учительница. Новая.

Артём кивнул. И ушёл — так же молча, как появился.

Анна потом долго вспоминала эту встречу. Ей казалось, что в этом человеке было что-то... не от мира сего. Не грубость, нет. Скорее — отстранённость. Он жил в лесу, и лес принял его. Он сам стал частью леса. И её потянуло к нему — как тянет к тому, чего не понимаешь, но чувствуешь: это настоящее.

Ухаживание

Они виделись всё чаще. Артём, сам того не замечая, стал заходить в школу — то под предлогом починить парту, то принести дров для печки. Анна, тоже не замечая, стала ждать этих визитов. Она готовила чай, и они сидели в пустом классе после уроков, разговаривая — вернее, говорила в основном она, а он слушал. Но в его молчании было больше внимания, чем в иных речах.

Однажды она спросила:

— Почему ты всегда молчишь?

— А что говорить? — он пожал плечами. — В лесу привык. Там слов не надо. Деревья не разговаривают, а всё понимают.

— А люди?

— Люди говорят слишком много. И мало слушают.

— А ты?

— Я слушаю.

Это была правда. Артём слушал — и слышал. Он запоминал всё, что она рассказывала: о детстве в Пскове, об умершей от чахотки матери, об отце-железнодорожнике, который воспитывал её один. О её мечтах — она хотела не просто учить детей, а изменить что-то в этом мире. Сделать его добрее, справедливее. Он слушал, и в его серых глазах появлялось что-то тёплое, почти нежное.

Через полгода он сделал ей предложение. Это было самое короткое и самое странное предложение в её жизни. Они стояли у той самой рябины, что росла у его дома. Солнце садилось. Ветви рябины были покрыты алыми гроздьями — стояла осень. Артём молчал долго, а потом сказал:

— Я не умею красиво говорить. И подарков дарить не умею. Но я могу нарубить дров, починить крышу и защитить от любого зверя. Выходи за меня.

— И это всё? — Анна рассмеялась.

— Всё.

— Даже про любовь не скажешь?

— Я не умею про любовь. Я могу — делом.

— Тогда иди сюда.

Она шагнула к нему и поцеловала — в первый раз, крепко, без тени смущения. Артём, опешивший, неуклюже обнял её в ответ. Свадьбу сыграли скромно. Расписались в сельсовете, посидели с соседями, выпили по рюмке — и всё. Но Анна была счастлива. Она знала, что этот молчаливый, неловкий, диловатый человек — самый надёжный из всех, кого она встречала. Он не предаст. Не бросит. Не разлюбит. И она не ошиблась. Дочь родилась через год после свадьбы. Роды были трудные, Анна едва не умерла, но деревенская повитуха, бабка Серафима, выходила обоих — и мать, и ребёнка. Артём, который во время родов сидел на крыльце и курил одну папиросу за другой (хотя обычно не курил), вошёл в дом, когда всё было кончено, и увидел крошечный свёрток в руках измученной, но сияющей Анны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.